

КОНЦЕПТЫ «УМНОЕ ДЕЛАНИЕ», «ЛЮБОВЬ» В КАРТИНЕ МИРА НИЛА СОРСКОГО

ДЖУНУСОВ Турган Садыкович

кандидат филологических наук, сеньор-лектор

Satbayev University

г. Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются вопросы евангельской любви, отраженные в работах Нила Сорского через концепт «любовь» передаваемые посредством глаголов 1, 2, 3 лица единственного и множественного числа, отражены представления Нила Сорского об идеальном человеке в идеальном пространстве. В статье представлены точки зрения В. Колесова, В. Никитевича, В. Соловьева на концепт «любовь» и способы репрезентации этого концепта в работах Нила Сорского.

Ключевые слова: концепт, идеальный человек, повелительное наклонение, императив, нравственность, мораль, совершенство.

Российский учёный В.В. Колесов в своей работе «Язык и ментальность» отмечает, что концепты «любовь» и «свобода» являются основными в этическом осмыслении всякого сознания и познания. По слову апостола: «Вера, надежда, любовь – и более всех Любовь» – русская ментальность осмыслила этот концепт как символ единения, близости и дружеской симпатии [2, с. 37]. Словарь Владимира Даля определяет «любовь» следующим образом: «состоянье любящего; страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположение к чему-либо» [1, с. 875]. Из четырёх обозначенных состояний важны три последние: привязанность от склонности до страсти; сильное желание; избранье или предпочтение по воле (не рассудком), иногда вовсе безотчётно и безрассудно. Эти созначения – культурного происхождения, христианская этика вложила в славянское слово значения слов греческих: *φιλία* ‘привязанность в дружбе’, *έρως* ‘страсть в наслаждении’, *ἀγάπη* ‘христианская любовь к ближним (в оценивании их качеств)’.

Как указывает Колесов, «в своей многозначности, не сводимой к внутреннему развитию значений от одного к другому, любовь – это символ: «идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть не власть, а любовь» [2, с. 78]. Собираательно-общее представление о любви как символе подтверждается тем, что в русских говорах сохраняется множество слов, обозначающих частные проявления данного чувства,

именно как конкретного чувства, а не идеи концепта. Среди таких слов дроля ‘возлюбленный’, дрович ‘нежить’, ‘баловать’, жалеть ‘любить’, ласка, милый, ‘любимый’, миловаться, рачительный ‘заботливый’, страдание и страсть как проявление любви и т. д. Колесов в своей монографии «Язык и ментальность» отмечает: «Подвижник средневековой Руси Нил Сорский описал это чувство как борьбу со страстью, опустив за ненадобностью два момента: завлечение и сомнение. Монах-аскет не приемлет их вовсе. Учёный развивает точку зрения, согласно которой «доступными ему средствами язык последовательно вырабатывал новое представление о любви. Не только в изменении форм (любы > любовь) с особым произношением и ударением, но и с помощью новых производных слов, которые множили мысль об оттенках и формах любви. Винительный падеж прямого объекта любовь, заменил собою старую форму именительного падежа любви – показательный факт: в любви важен тот, которого любишь, а не ты сам. По значению и по форме идеально-абстрактная сила любви превратилась в земную любовь» [2, с. 104].

Иными словами, любовь – земное чувство. Другое дело – божественная любовь, когда человек, преодолевая пороки, стремится стать духовно, нравственно чище, приближая тем самым себя к Богу, к мечте «идеальный человек в идеальном мире». Как далее отмечает исследователь, «в земной любви развитие чувства идёт от действительного «предмета» к образу и идеалу, который

строится в мысли с помощью личных оценок и признаков, извлечённых влюблённым из помасленных определений и свойств. В момент идеализации (кристаллизации чувства) возлюбленному приписываются признаки идеального существа, что, на наш взгляд, выражается в идеальных наклонениях глагола. По утверждению ученого В.М. Никитевича, именно формы наклонения по существу делятся на две группы: к первой группе относятся формы изъявительного наклонения (как выражающие реально существующее действие); ко второй группе – формы условно-желательного и повелительного наклонения (как выражающие нереальное – возможное, предположительное или желательное действие). Как далее отмечает исследователь, форма условно-желательного наклонения содержит (вне контекста) непосредственное указание лишь на то, что действие не существовало и не существует (читал бы), а форма повелительного наклонения выражает побуждение к действию «собеседника» со стороны «говорящего» (читай). В этом смысле абстракция форм повелительного наклонения более конкретна, и с условно-желательным их объединяет лишь общий признак нереального действия, то есть то, что противопоставляет их формам изъявительного наклонения. Как справедливо утверждает учёный, характер абстракции в формах наклонения заставляет задуматься над тем, почему формы прошедшего и будущего времени относят к изъявительному наклонению. Ведь они также, на первый взгляд, не выражают совершающегося действия. Исследователь, со ссылкой на А.А. Потебню отмечает что, изучая происхождение «идеальных» (то есть обозначающих не существующие в действительности явления) наклонений, Потебня указал на логическую близость с ними форм прошедшего и будущего времени. Иными словами, в своей основе формы времён выражают реальное действие в настоящем, прошлом, будущем. Всё это (наличие парадигмы времён, общность значений, реальный характер обозначаемого действия) объединяет формы времён как формы одного наклонения – изъявительного. Форма же повелительного наклонения,

например, работай, не является формой времени, так как ей не могут быть противопоставлены в значении повелительного наклонения формы с другим временным значением. Повелительное наклонение (как и сослагательное) не имеет категории времени. Именно поэтому оно относится к «идеальным», «косвенным» наклонениям и принципиально отличается от «прямого» – изъявительного наклонения. Независимо от того, насколько точно мы определяем границы грамматического содержания между отдельными наклонениями, совершенно ясно формулируется определение наклонения в целом. Обозначая реальное, нереальное или возможное действие, категория наклонения, тем самым, выражает отношение действия к действительности.

Значимым является тот факт, что идеальное наклонение, воплощающее концепт «любовь», устанавливает отношение действия к действительности, где говорящий совершенно несознательно выражает всю сложнейшую гамму оттенков, характеризующих действие. Любовь в представлении Нила Сорского – это энергия душевного порыва, человек сам растит в своем сердце такое чувство. В первую очередь – это любовь к ближним, затем к Богу. Когда Нил изредка покидал скит ради какого-нибудь значительного церковно-общественного дела, он и в миру демонстрировал эту свою способность к любви, состраданию и милосердию по отношению к братьям-христианам. Именно в этом ключе христианской любви строилась его позиция в защите тех русских богоискателей, которых иосифляне называли «жидовствующими». Нилу удавалось без затруднений исполнять евангельскую заповедь: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Секрет бестягостности этой любви был для него прост: любовь к Богу наделяла его способностью любить людей и, наоборот, – любовь к людям способствовала возрастанию его любви к Богу. Отмеченный печатью Божьих благословений, Нил Сорский служил светочем любви в мире жестких нравов народа, пребывавшего еще только в поиске цивилизованных форм государственного общежития. По словам Нила, нельзя любить

Бога, которого не видишь, если не любишь брата своего. Любовь, в понимании русской ментальности – это преобразование форм свободы. Не случайно Колесов подчеркивает: «Энергия духовного порыва в описании Нила также развивается, отражая идеальные формы любовного чувства, в последовательности тех движений, что и у земной. Развитие любовного чувства идет как бы к горизонту – к цели, в пространственном размещении. Это жар души. Духовный экстаз статичен, он воспаряет вверх на одной и той же точке человеческого сердца. Это горение духа. На протяжении всего Средневековья противопоставление мирской и божественной любви осознавалось на уровне языка: любовь и любы, в определениях любой и любый, любимый и любезный.

В русской ментальности любовь понимается как свободное личное чувство, доступное вольному избранию, поэтому и слово любой значит какой угодно любый. По исходному смыслу корня это приветствие целованием, откуда метонимическим переносом последовательность значений 'целовать' > 'соединяться (в поцелуе)' > 'обещать' нечто. Любовь как действие предстает страстным желанием, окрыленным надеждой, в которую верят, – вера, надежда и любовь даны в слиянном единстве созревшего в сердце чувства». Как чувство природное, любовь не знает национальных различий и предстает в единстве своих проявлений; но как идеальная сущность, как концепт народной ментальности любовь предстает по-разному. В частности, у отцов церкви, у Нила Сорского она – неземная, к Богу. Нил Сорский с восторгом передает слова Симеона Нового Богослова, писавшего об этом чудесновосторженном состоянии, что выражается в анализируемых текстах при помощи глаголов 1-го, 3-го лица единственного числа постоянного настоящего времени и глаголов будущего времени: «Кіи языкъ изречеть! кіи же ли умъ скажетъ? кое слово изглаголетъ? Страшно бо, въ истину страшно, и паче слова. Зрю свѣтъ, его же миръ не имать, посреди келіа на одрѣ сѣдя; внутри себе зрю Творца миру, и бесѣдную, и люблю, и ямъ, питаюся добрѣ едінымъ бо видѣніемъ и сѣ-

дѣнися ему, небеса превъсхожду. И си вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ. И о Господѣ бесѣдуя, рече: любить же мя онъ, и в себѣ самомъ пріемлетъ мя и на обіятіяхъ съкрываетъ, на небеси будущи, и въ сердци моемъ есть, здѣ и тамо зреть ми ся» [3, с. 29-30].

В древнерусской религиозно-философской мысли, а именно в учении Нила Сорского, показана идея евангельской, Христовой любви. Высшая задача – познание любви к Богу. Ведь ради любви к Богу преподобный Нил и покинул мир, полностью сосредоточился на постижении Божественных тайн, достигая таинственных глубин религиозно-мистических учений. Вторая задача – любовь к ближним, без чего не может быть любви к Богу: «ко ближнимъ нашимъ ... любовь имети, и аще близъ насъ обрящутся, словомъ и деломъ показати, аще возможемъ сохранить и Божию, о нихъ же извѣстуется, яко къ съзиданію и и справленію душамъ творити бесѣдованіе, имущее силу с художествомъ слышати и рещи полезна. Сіа же вся, яже написахъ, аще суть къ благоугожденію Божію и ползе душамъ, тако творимъ; аще ли ни, лучшее да бываетъ, еже угодно Богу и полезно душамъ» [3, с. 9]. В приведенном материале использованы глаголы 1-го лица множественного числа с отенком призыва, инфинитив, глаголы 3-го лица единственного числа в сочетании с частицей да с позитивным началом, что подчеркивает позицию Нила Сорского в плане проповедования им идей евангельской, Христовой любви. Кроме того, любовь к ближнему, согласно позиции Нила Сорского, является условием объединения людей и избавления их сердец от многих грехов.

В толковании Нила Сорского, евангельская любовь приобретает характер универсальной мировой силы и главного средства преобразования человека. Ведь Нил Сорский был глубоко уверен, что человек обязан сам себя держать в руках и исправлять свою природу исключительно нравственными средствами, самовоспитанием, полным проникновением в заповеди Христовой любви. Никакой силой, никакими принуждениями невозможно заставить человека верить ис-

тинно, если сердце его не озарено любовью. И даже страх Божий, о котором тоже пишет Нил Сорский, служит лишь импульсом к духовному очищению, к тому, чтобы человек всем сердцем возжелал познания великих евангельских истин Христовой любви: «В началѣ же подобно умыслихъ положити о вѣре. Вѣрую въ единаго Бога, въ Троици славимаго Отца и сына и Святаго Духа, единаго и нераздѣльнаго. Также и воплощеніе Сына Божіа вѣрую, и съвершенна Бога, и съвершенна челоуѣка, того исповѣдую, и прочее исповѣданіе православныя вѣры все приѣмлю и исповѣдую всею моею душею. Также и Господю мою святую, пречистую, сущую Богородицу съ многою вѣрою и любовію исповѣдаю и величаю, и славлю. И вся святія почитаю и приѣмлю, и прославляю, и съединяюся благодатию Христовою, и прибѣгаю вседушно къ святѣи съборнѣи апостолстѣи церкви; и вся ученія, яже пріять отъ Господа и отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ вселенскихъ съборъ и помѣстныхъ, и прочихъ святыхъ отецъ свята

церкви приѣмши, намъ предасть о православней вѣре и о дѣльныхъ завѣщаніи; сіа вся приѣмлю и почитаю съ многою вѣрою и любовію» [3, с. 4]. В приведенном отрывке использованы глаголы 1-го лица единственного числа, помогающие распознать концепт «любовь» в текстах Нила Сорского. Глаголы вѣрую, приѣмлю, исповѣдую, величаю, славлю, почитаю, приѣмлю, съединяюся, прибѣгаю, пріять, заключающие созидательное начало, показывают глубокую веру и убежденность Нила Сорского в том, что только настоящая вера в Бога, только лишь самовоспитание и самосовершенствование, любовь к ближним приведут, в конечном итоге, к истинной евангельской любви, морально-нравственному совершенствованию.

Таким образом, посредством концептов «умное делание», «любовь» в картине мира Нила Сорского передается идея о том, что вера в истинную евангельскую любовь позволяют человеку достигнуть состояния истинной, полной «внутренней свободы», когда человек зависит лишь от Бога и ни от кого более.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 3 П-Р. – М.: Терро, 2000. – 1782 с.
2. Колесов В.В. Язык и ментальность. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 403-415.
3. Устав скитского жития «О жителствѣ святыхъ отецъ сіе преданіе старца Нила пустыника ученикомъ своим и всѣмъ прикладно имѣти сіе». – М.: Изданіе книгопродавца И.А. Морозова. 1889. – 112 с.

THE CONCEPTS «SMART DOING», «LOVE» IN THE PICTURE OF THE WORLD BY NIL SORSKY

DZHUNUSOV Turgan Sadykovich
PhD in Philology, Senior Lecturer
Satbayev University
Almaty, Kazakhstan

The article examines the issues of evangelical love, reflected in the works of Nil Sorsky through the concept of «love» transmitted through the verbs 1, 2, 3 singular and plural, reflects Nil Sorsky's ideas about an ideal person in an ideal space. The article presents the points of view of V. Kolesov, V. Nikitevich, V. Solovyov on the concept of «love» and the ways of representing this concept in the works of Nil Sorsky.

Key words: concept, ideal person, imperative mood, imperative, morality, morality, perfection.